Василий Кондратьев, человек невеликого роста, можно сказать, тщедушной наружности, был наделен от природы неиссякаемой энергией и целеустремленностью. Решительность в действиях и помогала ему в тяжкие периоды. А их в его жизни было предостаточно. Сказать по правде, все его существование было соткано из хождений «по лезвию ножа». Родившись в начале марта 1922 года, он унаследовал от знака зодиака пробивную силу характера, и шел напролом там, где многие пасовали.

Перед самой войной призвали его в Красную Армию. Случилось это в апреле 1941 года. Волею судьбы попал в Брестскую крепость. В начале июня новобранцев откомандировали в летние лагеря, что в одном километре от реки Буг, служившей водной границей между СССР и Польшей, занятой немецкими оккупантами.
С вышки, на которую ежедневно забирались солдаты, чтоб отрабатывать прыжки с парашютом, немецкие позиции были видны как на ладони. С каждым днем фашисты наводняли свои части танками, самоходными орудиями и другой военной техникой. Скоро скопление войск на правобережье Буга достигло угрожающих размеров. Солдаты ворчали: «Всем ясно давно, что война вот-вот грянет, одному Сталину это неведомо». Вечером в субботу в лагере демонстрировали первый звуковой советский фильм «Свинарка и пастух». Впечатления у солдат были такие, что редкий мог уснуть. В большинстве своем деревенские ребята обсуждали увиденное. За полночь на польской стороне послышался рев моторов.
— Товарищ капитан, - обратились встревоженные солдаты к командиру роты, – видать заутро немцы войну зачнут!
— Не паникуйте, это наши части ведут учения, —отрубил командир, - спите. На провокации не поддаваться – так нам приказано действовать.
Под утро от шума моторов танков и авиации содрогнулась земля. Через несколько минут на палаточный лагерь посыпались снаряды и авиабомбы.
— И это тоже учения наших войск, мать твою, - выругался в сторону командира Кондратьев. - Тот только рукой махнул.
Бойцы из-под ураганного обстрела побежали в ближайший лес. Василий юркнул под защиту столетнего ствола сосны. Потом и под сосной стало неуютно, и солдат, присмотрев глубокую воронку из-под авиабомбы, шустро спрятал свое тщедушное тело на самом ее дне, содрогаясь от каждого очередного взрыва. Посмотрел на свое прежнее убежище: от сосны и пня не осталось – прямое попадание бомбы, и на месте дерева воронка. «Если Бог смерть сейчас отвел, значит и дальше не погибну», - подумал боец.
Часа через два обстрел и бомбежка прекратились. Остатки части выползли из своих укрытий. Едва ли каждый десятый уцелел в этой смертельной пляске огня и металла. Бойцы двинулись к заставе, где в сполохах зари разгорался бой за переправу. Холеные,

наглые, уверенные в быстром успехе немцы переправлялись через Буг в специальных резиновых лодках. Вся река была покрыта рвущимися к берегу фашистами.
Застава тоже была густо перепахана взрывами. От роты мало уцелело. Кондратьев взял из рук убитого пограничника винтовку и стал стрелять по лодкам, которые от попадания сдувались, резина рвалась мгновенно, и фрицы оказывались в воде. Многие плавать не умели и колом шли по дну. Рядом Кондратьевым примостился с пулеметом командир погранзаставы с зеленым околышем на фуражке и вел очередями огонь по переправе. Ожили, резкими выстрелами стали огрызаться, оставшиеся в живых бойцы.
До середины дня сдерживала горстка бойцов переправу немцев. Река уже обагрилась кровью, трупы плыли густо вниз по течению Буга, а они все лезли и лезли. Наши отчаянно отбивались. Твердости духа солдатам придавала Брестская крепость, которая была совсем рядом и лупила по наступающим из всех видов оружия. Во второй половине дня фрицы, прорвавшись севернее крепости и ниже по течению Буга от заставы, взяли в плотное окружение оставшихся в живых. Расстреляв все патроны, Кондратьев с тревогой ждал своей участи. Немцы строем прочесывали оборонительные позиции. То тут, то там раздавались их автоматные очереди, крики раненых, предсмертные стоны умирающих. Василий тоже ждал неминуемой смерти, смирившись со своей участью.
— Ком цу мир, - услышал он злобный окрик и, посмотрев на наставленное дуло автомата, поднялся из своего укрытия и пошел на окрик.
Немец грубо толкнул его дулом автомата в живот и показал на крытую брезентом машину.
— Шнель форвардс, - крикнул здоровенный баварец, пнув кованым ботинком в тощий зад бойца. Тот метров пять пролетел от пинка под хохот немцев, поднялся и побрел к машине, в кузове которой уже набралось десятка полтора пленных. Везли вглубь Белоруссии не меньше пяти часов. Ожидание томило и нервировало: что будет с ними? Этот вопрос беззвучно витал над поникшими бойцами. Всех их загнали в широкий лог, который наскоро обнесли колючей проволокой. Пленных все прибывало и прибывало. Никого не кормили и не поили. Первыми начали умирать раненые. Их заставляли выбрасывать за ограду, но это не спасало от зловония разлагавшихся на жаре трупов. Кондратьев услышал мордовскую речь. Пригляделся: три мордвина вели меж собой оживленную беседу. Он встал, подошел и поприветствовал:
— Здорово, земляки!
Те недоверчиво повернули к нему изможденные лица.
— Проваливай, откуда пришел, земляк.
Опасение было оправданно. В лагерь фашисты засылали своих агентов из пленных, согласившихся сотрудничать с оккупантами, на предмет выявления коммунистов и офицеров, с которыми не церемонились. Расстреливали на месте.
— Да, я же с Лямбирского района, чего опасаетесь-то?
— А..а…а, а мы с Кочкурова.
— Вот и ладно, давайте потолкуем, как выбраться отсюда, иначе перемрем, как мухи.
— Голыми руками колючку не перекусишь, -пробубнили понуро земляки, - но и умирать за просто так охоты нет.
Их разговор молча слушал раненый солдат. Оказалось, что это был сапер, и, на всякий случай, под обмотками спрятал кусачки. Саперская привычка носить с собой всегда это непременное орудие труда, оказалась кстати. Решение созрело быстро – бежать!
Каждый с нетерпением ждал удобного случая. Темнота в задуманном деле незаменимый

помощник, поскольку немцы в спешке еще не успели оборудовать концлагерь прожекторами, проползти к ограждению было не трудно. Для побега выбрали свирепую ночь, гроза раскалывала небо, которое низверглось проливным дождем. Шквальный ветер сбивал с ног. Немцы попрятались в укрытие. Проделав в колючей проволоке дыру, беглецы, минуя охрану на вышках, растворились в лесу.
После жаркого лета, осень рано дохнула холодом. Но беглецы не чувствовали его, хотя гимнастерки насквозь продувало пронизывающим ветром. Вдали послышался лай овчарок. Фашисты обнаружили побег и повели погоню. Решили разделиться на мелкие группы, чтобы сбить собак со следа. Кондратьев еще с одним бойцом бросились бежать к ближайшей рощице. Кто-то направился к полю. За ними-то и увязались овчарки.
К утру Кондратьев с товарищем набрели на одинокий хутор.
Постучали в дверь.
— Кто там бродит в такую пору? – послышался старушечий голос.
— Бегуны мы из концлагеря. Открой, мать, от голода и холода погибнем а-то.
Стукнул засов, и дверь со скрипом отворилась. Перед бойцами на пороге стояла женщина лет семидесяти с поседевшей, как лунь, головой.
— Заходите, милые.
Бегуны зашли в неказистое жилье. Хозяйка поставила на стол чугунок с бульбой, кусок хлеба и соленые огурцы. В изголодавшихся желудках раздались призывные, известные каждому голодному, звуки. Но бойцы сдерживали свой волчий аппетит, памятуя о том, что плотная еда при длительном воздержании от пищи может окончиться заворотом кишок. Поэтому начали с рассола, разбавляя его небольшим количеством хлеба.
На хуторе солдаты пробыли столько, чтоб набраться сил перед броском к фронту. Именно туда, к своим, направляли их разгоряченные помыслы. Женщина одела их в крестьянские одежды, оставшиеся от умершего мужа и сына, воевавшего где-то на российских просторах, и вручила плотничий инструмент для маскировки.
Несколько дней шли солдаты по дорогам вслед за удаляющимся фронтом. Вскоре глухие раскаты боев перестали доноситься до слуха. – Где сейчас немец? – задавались вопросом бойцы, - где линия фронта?
На дороге показалась легковая машина. Немецкий офицер спросил:
— Ви есть кто? Бегущий пленник? Партизан?
— Нет, мы местные плотники, идем в деревню на работу.
— Ви есть врать. Шнеллер в машину.
Перспектива оказаться в концлагере встревожила своей реальностью, и под дулом автомата беглецы забрались в автомобиль. Немцы, видимо, давно не отдыхали в пути. Офицер то и дело клевал носом, еле преодолевая сон, усилием воли гнал от себя дрему и водитель. Через несколько часов езды по тряской дороге, офицер приказал остановиться у кирпичного особняка попавшейся на пути деревни, полагая, видимо, что там комендатура. Водитель, в изнеможении, рухнул на баранку и заснул. Пленники переглянулись и враз юркнули из машины. Что есть мочи бежали от опасности в близлежащий лес. Но и среди деревьев сердца бились неспокойно. Поминутно оглядываясь, беглецы углублялись все дальше в чащу. Сколько шли в тревожном ожидании, Кондратьев сообразить не мог, но понял, погони опасаться не стоит.
— Отдохнем? – спросил он товарища по несчастью.
— Давай, присядем, - охотно согласился тот.
Разбудил их окрик.

— Кто такие?
Кондратьев, открыв заспанные глаза, увидел перед собой человека в телогрейке и винтовкой в руках.
— Крестьяне мы.
— А вы не врите. Откуда на одном из вас моего отца поддевка, а на тебе мои порты, рубаха и зипун? Бандиты вы. Таких мы к стенке без разговора ставим.
— Помилуй, добрый человек. Выслушай наш горестный рассказ сначала. И повествовал Кондратьев своему собеседнику мытарства и помощь доброй хуторянки, оказавшейся родной матерью партизана.
Рассказ сильно тронул его, и он все расспрашивал и расспрашивал про старушку мать. И радовался тому, что она жива и здорова.
В партизанском отряде бойцы задержались недолго. Командир отряда, посмотрев на солдатскую книжечку Кондратьева, благоразумно сохраненную в тайниках одежды, покачал с сожалением головой и сказал:
— Такие, нюхавшие пороху бойцы нам нужны позарез, но коль уж вы решили пробиваться за линию фронта к своим, мы препятствовать не имеем права.
По ночам, минуя оживленные тракты и населенные пункты, шли бойцы на восток. Через несколько недель пути стали слышны звуки канонады. Сначала еле уловимые, потом все более отчетливые. Значит, наши дают немцу по шее, если он притормозил свое движение. Вскоре беглецы стали натыкаться на небольшие группы таких же окруженцев. Вместе шли на звуки канонады смелее. Однажды отряд натолкнулся на немцев. У сломанного мотоцикла возились двое: офицер и солдат. Решение созрело мгновенно. Кондратьев, самый отчаянный из беглецов, воспылал такой злобой на фашистов, что пройти мимо уже не мог, как ни пытались отговорить товарищи. Те с опаской согласились участвовать в авантюрном нападении. Василий пошел вперед, пытаясь действовать скрытно. Не дойдя метров двадцать, выстрелил из пистолета в офицера. Тот охнул и медленно опустился на землю. Следующим выстрелом уложил солдата. Стянул с офицера сапоги и, сбросив свои изношенные начисто, натянул на свои натруженные ноги. Обувка оказалась в пору.
Линию фронта переходили по замерзшему руслу реки. Немцы, заметив беглецов, открыли огонь. И с нашей стороны по ним начали стрелять.
— Что вы стреляете-то в своих, из окружения мы прорываемся, - закричали бойцы.
Красноармейцы, осознав свою оплошность, перенесли огонь на немецкие позиции, что и спасло многих из них от гибели. Майор НКВД допрашивал каждого самолично. Под видом окруженцев могли быть специально засылаемые агенты. Взгляд его упал на немецкие офицерские сапоги Кондратьева.
— Скидывай, - сухо приказал НКВДешник. Василий с сожалением снял обувку. Майор сразу натянул их на себя.
Кондратьев бережно хранил свою красноармейскую книжку, вшив ее в подкладку одежды. Она в данном случае сыграла огромную роль в судьбе. Ему сразу вручили противотанковое ружье – и в бой. Остальных, кто не имел документов, в тыл на дальнейшее выяснение личности.
Упорные бои шли за Харьков. Три раза сдавали его и три раза брали обратно. Кондратьева ранило в живот. В госпитале Моршанска до Мордовии рукой подать. Василий всем сердцем тянулся в родные места. И надумал сбежать из госпиталя, не излечившись до конца. Взял свои документы – и ходу. Дома неделю отводил душу после

всех мытарств и боев. Поскольку швы не были сняты, началось загноение.
В военном госпитале Саранска вновь лег на стол хирурга. После выздоровления опять попал солдат на передовую. Затем выучился на артиллериста и стал командиром расчета пушки. При форсировании Днепра артиллеристы переправлялись в общей массе войск. До правобережья на плоту весь расчет добрался без потерь, несмотря на ураганный огонь с берега. Пехота уже закрепилась у кромки реки и по-пластунски ползла к защитным позициям врага. Появились «Тигры» и «Пантеры», весь фашистский зверинец обрушился на наступающих красноармейцев. Артиллеристы получили приказ выкатить пушки и бить по танкам прямой наводкой. Расчет десантировался на пологий берег и немедленно вступил в бой, посылая снаряды в танковую броню. В этом бою Кондратьева ранило. Ранило тяжело. Теряя сознание, оглянулся по сторонам. Наши самоходные орудия подошли и вступили в бой. Выстрел - у одного «Тигра» башню снесло, второй выстрел, у второго башня слетела.
— Значит, не зря я умру, - подумал боец и провалился в небытие.
Снова госпиталь, снова нож хирурга отодвинул уже нависшую над судьбой бойца смерть. И снова передавая.
Рвал блокаду Ленинграда, громил немцев под Псковом,. Под Таллином был ранен в ногу. Пока до госпиталя везли, началась гангрена. Ногу отрезали. До Победы оставался месяц.
Валентин Васильевич Кондратьев, сын фронтовика вспоминает:
— Он все про Синявские высоты говорил, в боях за которые вся их дивизия полегла. Сплошные доты и дзоты, головы не поднять – все пристреляно. Когда в Финский залив зашли корабли и из дальнобойных орудий полдня били по этим укреплениям, лишь тогда взяли высоты.
Умер Василий Архипович в сентябре 91 года, не дожив до 70 лет. Война намного укоротила его насыщенную бурными событиями жизнь.

После войны Василий Архипович работал в аэроклубе. Поскольку был мастер на все руки, то в деревенских надобностях имел большой спрос. Сколько было энергии в этом человеке! Инвалид, крыши крыл селянам, печи ставил. Такая работа для здорового человека – большой труд, а он без одной ноги с делом справлялся на зависть. Такой он был человек, непоседа, живчик. Это его качество характера и в войну спасало, и в мирное время кормило.
Жаль, что награды его все перетеряли, - вздыхает его сын Валентин Васильевич, - помню среди них был орден Красной Звезды.